

Свирель — эпизод 1 из 3

Разморенный духотою еловой чащи, весь в паутине и в хвойных иглах, пробирался с ружьем к опушке приказчик из Дементьева хутора, Мелитон Шишкин. Его Дамка помесь дворняги с сеттером необыкновенно худая и беременная, поджимая под себя мокрый хвост, плелась за хозяином и всячески старалась не наколоть себе носа. Утро было нехорошее, пасмурное. С деревьев, окутанных легким туманом, и с папоротника сыпались крупные брызги, лесная сырость издавала острый запах гнили.

Впереди, где кончалась чаща, стояли березы, а сквозь их стволы и ветви видна была туманная даль. Кто-то за березами играл на самодельковой, пастушеской свирели. Игрок брал не более пяти-шести нот, лениво тянул их, не стараясь связать их в мотив, но тем не менее в его пiske слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое.

Когда чаща поредела и елки уже мешались с молодой березой, Мелитон увидел стадо. Спутанные лошади, коровы и овцы бродили между кустов и, потрескивая сучьями, обнюхивали лесную траву. На опушке, прислонившись к мокрой березке, стоял старик пастух, тощий, в рваной сермяге и без шапки. Он глядел в землю, о чем-то думал и играл на свирели, по-видимому, машинально.

Здравствуй, дед! Бог на помощь! приветствовал его Мелитон тонким, сиплым голосом, который совсем не шел к его громадному росту и большому, мясистому лицу. А ловко ты на дудочке дудишь! Чье стадо пасешь?

Артамоновское, нехотя ответил пастух и сунул свирель за пазуху.

Стало быть, и лес артамоновский? спросил Мелитон, оглядываясь. И впрямь артамоновский, скажи на милость... Совсем было заблудился. Всю харю себе в чепыге исцарапал.

Он сел на мокрую землю и стал лепить из газетной бумаги папиросу.

Подобно жиденькому голоску, всё у этого человека было мелко и не соответствовало его росту, ширине и мясистому лицу: и улыбка, и глазки, и пуговики, и картузик, едва державшийся на жирной стриженной голове. Когда он говорил и улыбался, то в его бритом, пухлом лице и во всей фигуре чувствовалось что-то бабье, робкое и смиренное.

Ну, погода, не дай бог! сказал он и покрутил головой. Люди еще овса не убрали, а дождик словно нанялся, бог с ним.

Пастух поглядел на небо, откуда моросил дождь, на лес, на мокрую одежду приказчика, подумал и ничего не сказал.

Всё лето такое было... вздохнул Мелитон. И мужикам плохо, и господам

никакого удовольствия.

Пастух еще раз поглядел на небо, подумал и сказал с расстановкой, точно разжевывая каждое слово:

Всё к одному клонится... Добра не жди.

Как у вас тут? спросил Мелитон, закуривая. Не видал в артамоновской сечи тетеревиных выводов?

Пастух ответил не сразу. Он опять поглядел на небо и в стороны, подумал, поморгал глазами... По-видимому, своим словам придавал он немалое значение и, чтобы усугубить им цену, старался произносить их вразтяжку, с некоторою торжественностью. Выражение лица его было старчески острое, степенное и, оттого, что нос был перехвачен поперек седлообразной выемкой и ноздри глядели кверху, казалось хитрым и насмешливым.

Нет, кажись, не видал, ответил он. Наш охотник, Еремка, сказывал, будто на Ильин день согнал около Пустошья один выводок, да, должно, брешет. Мало птицы.

Да, брат, мало... Везде мало! Охота, ежели здравомысленно рассудить, ничтожная и нестоящая. Дичи совсем нет, а которая есть, так об ту сейчас нечего и рук марать не выросла еще! Такая еще мелочь, что глядеть совестно. Мелитон усмехнулся и махнул рукой.

Такое делается на этом свете, что просто смех, да и только! Птица нынче стала несообразная, поздно на яйца садится, и есть такие, которые еще на Петров день с яиц не вставали. Ей-богу!

Всё к одному клонится, сказал пастух, поднимая вверх лицо. Летошний год мало дичи было, в этом году еще меньше, а лет через пять, почитай, ее вовсе не будет. Я так примечаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется.

Да, согласился Мелитон, подумав. Это верно.

Пастух горько усмехнулся и покачал головой.

Удивление! сказал он. И куда оно всё девалось? Лет двадцать назад, помню, тут и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева туча-тучей! Бывало, съедутся господа на охоту, так только и слышишь: пу-пу-пу! пу-пу-пу! Дупелям, бекасам да кроншпилям переводу не было, а мелкие чирята да кулики, всё равно как скворцы или, скажем, воробцы видимо-невидимо! И куда оно всё девалось! Даже злой птицы не видать. Пошли прахом и орлы, и соколы, и филины... Меньше стало и всякого зверья.